

Подарок для читателей журнала

ИЗ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ*

Предисловие и редакция Л.Н. Толстого

Перевод с французского М.Л. Толстой

Предисловие

Дневник Амиеля –
значительное
и глубокое
произведение

Года полтора тому назад мне в первый раз довелось прочесть книгу Амиеля**: «Отрывки задушевного дневника» (*Fragments d'un journal intime*). Я был поражен значительностью и глубиной содержания, красотой изложения и, главное, искренностью этой книги. Читая ее, я отмечал из нее места, особенно поразившие меня. Дочь моя взялась перевести эти места, и так составились эти выдержки из *Fragments d'un journal intime*, то есть выдержки из выдержек всего многотомного и ненапечатанного дневника Амиеля, веденного им изо дня в день в продолжение тридцати лет.

Генри Амиель
учился
в Гейдельбергском
и Берлинском
университетах

Henri Amiel родился в 1821 году в Женеве и рано остался сиротой. Окончив в Женеве курс высшего образования, Амиель поехал за границу и там пробыл несколько лет в Гейдельбергском и Берлинском университетах. Вернувшись в 1849 году на родину, он, двадцативосьмилетним молодым человеком, получил в Женевской академии место профессора сначала эстетики, а потом философии и занимал его до самой смерти.

* Амиель Генри (*Henri Amiel*) Из дневника Амиеля. – СПб.: Типография В. Демакова, 1894. – 107 с. [Для интеллигентных читателей. Издание «Посредника». Допущено цензурой. С.-Петербург, 2 сентября 1894 года].

** На «Дневник» Амиеля указывал Н.А. Бердяев в своем «Самопознании»: «Это очень свободная форма, которую сейчас особенно любят французы. «Дневник» Амиеля – самый замечательный образец этого типа».

Вся жизнь Амиеля
прошла в Женеве

Вся жизнь Амиеля прошла в Женеве, где он и умер в 1881 году, ничем не выделившись из числа тех самых обыкновенных профессоров, которые, механически компилируя свои лекции из последних вышедших по их специальности книг, также механически передают их своим слушателям, и из еще большего числа бессодержательных стихотворцев, которые поставляют этот, хотя и никому не нужный, но всё еще покупаемый товар на десятки тысяч издающихся журналов.

«И разве имя мое
проживет хоть днем
дольше меня?»

Амиель не имел ни малейшего успеха ни на ученом, ни на литературном поприще. Уже приближаясь к старости, он писал про себя следующее: *«Что же я сумел извлечь из тех даров, которые мне были даны, из особенных условий моей полувековой жизни? Что я извлек из своей почвы? Разве все мои бумагомарания, собранные вместе, моя переписка, эти тысячи задушевных страниц, мои лекции, мои статьи, мои стихи, мои различные заметки – разве всё это не есть только сухие листья? Кому и на что я когда-либо был нужен? И разве имя мое проживет хоть днем дольше меня и будет для кого-нибудь иметь какое-либо значение? Ничтожная, пустая жизнь! Vie nulle».*

Нечаянный,
ненастоящий труд
Амиеля, его
дневник, останется
навсегда

Об Амиеле и его дневнике уже после его смерти писали два известных французских писателя: его друг, известный критик Э. Шерер и философ Каро. Интересен тот сочувственный, но отчасти покровительственный тон, с которым оба эти писателя относятся к Амиелю, сожалея о том, что он был лишен тех качеств, которые нужны для совершения настоящего труда. А между тем, те настоящие труды этих двух писателей – критические труды Э. Шерера и философские Каро – едва ли долго переживут своих авторов, тогда как нечаянный, ненастоящий труд Амиеля, его дневник, останется навсегда живою, нужною для людей и плодотворно действующей на них книгой.

Писатель дорог
и нужен нам только
в той мере, в которой
он открывает нам
внутреннюю работу
своей души

Писатель ведь дорог и нужен нам только в той мере, в которой он открывает нам внутреннюю работу своей души, само собой разумеется, если работа это новая, а не сделанная прежде. Что бы он ни писал: драму, ученое сочинение, повесть, философский трактат, лирическое стихотворение, критику, сатиру – нам дорога в произведении писателя только эта внутренняя работа его души, а не та архитектурная постройка, в которую он большею частью, да, я думаю, и всегда, уродуя их, укладывает свои мысли и чувства.

Дневник его, где, не думая о форме, он говорил только сам с собой, полон жизни

Всё, что Амиель отливал в готовую форму: лекции, трактаты, стихотворения – было мертво; дневник же его, где, не думая о форме, он говорил только сам с собой, полон жизни, мудрости, поучительности, утешения и навсегда останется одной из тех лучших книг, которые нам нечаянно оставляли люди, как Марк Аврелий, Паскаль, Эпиктет.

«Есть только три рода людей...»

Паскаль говорит:

«Есть только три рода людей: одни те, которые, найдя Бога, служат Ему; другие, которые, не найдя Его, заняты исканием Его, и третьи те, которые, не найдя Его, все-таки не ищут Его».

«Первые разумны и счастливы, последние безумны и несчастны, средние несчастны, но разумны».

Я думаю, что разница, которую устанавливает Паскаль между первыми и вторыми, между теми, которые, как он говорит в другом месте, найдя Бога, всем сердцем служат Ему, и теми, которые, не найдя Его, всем сердцем ищут Его, не только не так велика, как он это думал, но и вовсе не существует. Я думаю, что те, которые всем сердцем своим и, страдая (*en gemissant*, как говорит Паскаль), ищут Бога, уже служат Ему. Служат тем, что этими страданиями искания прокладывают и открывают для других путь к Богу, как это сделал сам Паскаль в своих мыслях и как это всю свою жизнь делал Амиель в своем дневнике.

Вся жизнь Амиеля полна искания Бога

Вся жизнь Амиеля, как она представляется нам в этом дневнике, полна этого, всем сердцем своим страдающего, искания Бога. И созерцание этого искания тем более поучительно, что оно никогда не перестает быть исканием, никогда не останавливается, не переходит в сознание обретения истины и в поучение. Амиель не говорит ни себе, ни другим: «Я знаю теперь истину, слушайте меня!» Напротив, ему кажется, как это и свойственно тому, кто искренно ищет истину, что чем больше он узнаёт, тем больше ему нужно знать, и он, не переставая, делает всё, что может, чтобы более и более познавать истину, и потому постоянно чувствует свое незнание. Он постоянно загадывает о том, каково должно быть христианство и состояние христианина, ни на минуту не останавливаясь на мысли о том, что христианство есть то самое, что он исповедует и что он сам осуществляет в себе состояние христианина. А между тем весь дневник его полон выражений самого глубокого христианского понимания и чувства. И выражения эти действуют особенно сильно на читателя именно своей бессознательностью и

Как будто присутствуешь при самой таинственной внутренней работе души

искренностью. Он говорит сам с собою, не думая о том, что его слушают, не стараясь казаться уверенным в том, в чем он не уверен, не скрывая своего страдания и искания.

Как будто присутствуешь без ведома хозяина при самой таинственной и глубокой, и страстной, обыкновенно скрытой от постороннего взгляда, внутренней работе души.

И потому можно найти много более стройные и красноречивые выражения религиозного чувства, чем выражения религиозного чувства Амиеля, но трудно найти более задушевные и хватающие за сердце. Незадолго до своей смерти, зная, что болезнь его всякий день может кончиться задушением, он пишет:

«Когда довольствуешься беседой с самим собой...»

«Когда не мечтаешь уже о том, что имеешь перед собой свободными десятки лет, год, месяц, когда считаешь уже десятками часов, и будущая ночь несет в себе уже угрозу неизведанного, очевидно, что отказываешься от искусства, науки, политики и довольствуешься беседой с самим собой, а это возможно до самого конца. Внутренняя беседа эта – одно, что остается приговоренному к смерти, казнь которого откладывается. Он (этот приговоренный) сосредоточивается в себе самом. Он уже не лучеиспускает, а только беседует с своей душой. Он уже не действует, а созерцает... Как заяц, он возвращается умирать к своему жилищу; и жилище это – его совесть, его мысль. Пока он может держать перо и имеет минутку уединения, он сосредоточивается перед этим отзвуком самого себя и беседует с Богом.

«Аминь» покорности

«Это, впрочем, не нравственное исследование, не покаяние, не призыв. Это только “аминь” покорности».

«Дитя мое, отдай мне свое сердце».

«Я бы желал только не страдать».

«Христос в Гефсиманском саду просил о том же»

«Отречение и согласие мне менее трудны, чем другим, потому что я ничего не хочу. Я бы желал только не страдать. Христос в Гефсиманском саду просил о том же. Сделаем же то же, что и он. “Впрочем, пусть будет не моя воля, но Твоя” – и будем ждать».

Он искренен и серьезен в продолжение всего дневника

Таков он накануне своей смерти. Он не менее искренен и серьезен и в продолжение всего дневника, несмотря на изящество и во многих местах кажущуюся изысканность своей речи, ставшей для него привычкой. В продолжение всех тридцати лет своего дневника он чувствует то, что мы все так старательно забываем, – то, что

мы все приговорены к смерти и казнь наша только отсрочена. И от этого-то так искренна, серьезна и полезна эта книга*.

Лев Толстой

Нужно сознать
Бога

Берлин. 16 июля 1848 г. Одно только нужно: сознать Бога. Все чувства, все силы души и ума, все внешние средства понимания сути только просвяты на божество: суть только способы вкушать и обожать Бога. Надо уметь оторваться ото всего, что может быть потеряно, и привязаться исключительно к вечному и основному, всем же остальным наслаждаться, как данным взаймы на время. Обожать, понимать, принимать, чувствовать, давать, действовать – вот твой закон, твой долг, твоё счастье, твоё небо, – пусть будет что будет, хотя бы и смерть. Установи внутреннее согласие, живи перед Богом, в общении с Ним и предоставь вечным силам, с которыми не можешь бороться, руководить твоею жизнью. Если смерть ещё не берет тебя, тем лучше. Если она унесет тебя, опять тем лучше. Если она убьёт тебя наполовину, все-таки тем лучше, она закрывает для тебя поприще успеха для того, чтобы открыть тебе поприще подвига, самоотречения, нравственного величия. Всякая жизнь имеет своё величие, и так как тебе невозможно выйти из Бога, то лучше сознательно выбрать Его своим обиталищем.

Что делает мысль
свободной

20 июля 1848 г. Берлин. Судить о нашем времени с точки зрения всемирной истории, историю с точки зрения геологических периодов, геологию с точки зрения астрономии – вот что делает мысль свободной. Когда продолжительность жизни человека или народа нам представляется такой же микроскопической, как и жизнь мушкарки, и наоборот, жизнь эфемерида так же бесконечна, как жизнь небесного тела со всею своею пылью народов, мы чувствуем себя и очень малыми, и очень великими и мы со всей высоты небесных сфер можем рассматривать наше собственное существование и те маленькие вихри, которые волнуют нашу маленькую Европу.

В сущности, есть только один предмет изучения – это разные виды и превращения духа. Все другие пред-

* Амиель родился 27 сентября 1821 года. Записи из дневника, подготовленные Л.Н. Толстым, начинаются в момент, когда Амиелю ещё 26 лет – вот-вот ему наступит 27. – Прим. редакции.

Сделай так, чтобы
Бог вошел в тебя

меты сводятся к этому же, все другие изучения приводят к нему же.

3 мая 1849 г. Ты никогда не ощущал в себе внутренней уверенности гения, предчувствия славы и счастья. Ты никогда не воображал себя великим, знаменитым, или хоть бы мужем, отцом, влиятельным гражданином. Это равнодушие к будущему, это полное недоверие, суть без сомнения указания. То, о чем ты мечтаешь, смутно и неопределенно; ты не должен жить, потому что ты сейчас не способен к жизни. Держи себя в порядке; оставь живых жить, сведи к одному твои мысли и сделай завещание того, что ты передумал, и того, что ты перечувствовал; это самое полезное, что ты можешь сделать.

Отвергнись от себя и возьми свою чашу – все равно, наполненную медом или желчью, сделай так, чтобы Бог вошел в тебя, вперед пропитайся им, так, чтобы душа твоя сделалась храмом Святого Духа, делай добрые дела, содействуя счастью и совершенствованию других.

Только бы не было в тебе личного честолюбия, и тогда ты примиришься с жизнью или смертью, что бы ни случилось.

Чаша горечи и крест
жизни

27 мая 1849 г. Быть непонятым даже теми, кого любишь, – вот чаша горечи и крест жизни, это-то накладывает на уста выдающихся людей ту скорбную и грустную улыбку, которая поражает нас; в этом самое жестокое испытание людей, которые жертвуют собой, и это-то и должно было чаще всего сжимать сердце Сына человеческого; а если бы Бог мог страдать, то это была бы рана, которую мы наносили бы и Ему каждый день. Он, главное Он, всегда не признанный и в высшей степени непонятый. Увы! Увы! не тяготиться, но остывать, быть терпеливым, отзывчивым, добродушным, следить за рождающимся цветком и открывающимся сердцем, всегда надеяться, как Бог всегда любит, вот в чем долг.

Долг имеет свойство заставлять нас чувствовать реальность действительного мира и вместе с тем отрывает нас от него.

В саду души
у каждого чувства
есть момент расцвета

30 декабря 1850 г. Всякий бутон расцветает только раз, и у всякого цветка есть только один момент совершенной красоты, так же в саду души у каждого чувства есть как бы момент расцвета, то есть единственный момент распутившейся прелести и царственного блеска.

Всякая звезда только раз в ночь проходит меридиан над нашими головами и блескит на нем только одно

мгновение; так же в небе разумения существует для каждой мысли, если можно так выразиться, только один зенитный момент, во время которого она блестит во всей своей силе и царственном величии. Артист, художник, поэт или мыслитель, лови свои мысли и чувства в этот определенный, но беглый момент, чтобы остановить, увековечить их, так как это высшая их точка. До этого мгновения у тебя были только смутные намеки или темные предчувствия их; после него у тебя останутся только ослабленные воспоминания и бессильные раскаяния. Это мгновение есть мгновение идеала.

Чем больше
отталкиваешь свой
крест, тем он
становится тяжелее

Чем больше отталкиваешь свой крест, тем он становится тяжелее.

Досада (*le dépit*) – это злоба, которая боится обнаружиться; это бессильное бешенство, чувствующее свое бессилие.

Ничто так не походит на гордость, как уныние.

Для управления своею жизнью привычки важнее правил, потому что привычка есть живое правило, ставшее кровью и плотью. Переделать свои правила – это не важно, это значит переменить заглавие книги. Приобрести же новые привычки – это всё, потому что этим захватывается жизнь в ее сущности. Жизнь есть только сплетения привычек.

Я ненавижу
бесполезные
сожаления
и раскаяния

6 апреля 1851 г. Я не верю сам себе, но верю счастью, потому что знаю себя. Идеал отравляет для меня неполное обладание всем несовершенным. Всё, что определяет будущее и разрушает мою внутреннюю свободу, порабощает меня вещам или заставляет быть иным, чем я хотел и должен был бы быть, всё, что умаляет мое представление о совершенном человеке, делает мне больно, сжимает меня, огорчает меня, даже в мыслях, даже раньше времени. Я ненавижу бесполезные сожаления и раскаяния. Неизбежность последствий, связанных с каждым из наших поступков, – это главная мысль драмы, и мрачная, и трагическая сторона нашей жизни удерживает меня более непреодолимо, чем рука командора. Я действую всегда только с сожалением и почти насильно.

Быть зависимым
невыносимо

Быть зависимым для меня невыносимо, но зависеть от непоправимого, от случайного, от непредвиденного и, главное, зависеть по своей же вине, зависеть от ошибки, то есть лишиться своей свободы, своей надежды, лишиться сна и счастья, — это ад!

Всё необходимое, роковое, вообще всё неменяемое, я перенесу, мне кажется, с душевным мужеством. Но ответственность убийственно отравляет всякое горе. Поступок же, по существу своему, всегда свободен. И потому я поступаю как можно меньше.

Последний отпор личной воли, который противится, скрывается, ищет покоя, удовлетворения, независимости!

Нет ли остатка эгоизма в этом бескорыстии, в этой боязни, в этой праздной чуткости? Ты хочешь исполнить долг, но где он, в чем он? Вот тут-то выступает желание и становится на место прорицателя. Последний вопрос таков: должно ли повиноваться своей природе, даже лучшей и самой духовной, или побеждать ее?

Если цель
в проявлении
человека со всеми
его свойствами, то
тогда надо оберегать
его цельность

Заключается ли жизнь главным образом в воспитании ума и духа, или в воспитании воли и в чем состоит воля — в силе или в отречении? Если цель жизни в достижении отречения, то приходят болезни, препятствия, страдания всякого рода! Если же цель в проявлении человека со всеми его свойствами, то тогда надо оберегать его цельность. Вызывать испытания — значит искушать Бога. В сущности, Бог справедливости заслоняет мне Бога любви. Я трепещу, но не доверяю. Всякий двойственный голос, борющийся в сознании, не есть еще голос Божий. Спустись глубже в самого себя до тех пор, пока не услышишь только один голос, простой голос, уничтожающий всякое сомнение, дающий убеждение, ясность и спокойствие. Счастливы те, говорит апостол, которые находятся в согласии с самими собой и которые не осуждают себя в избираемом ими жребии. Это внутреннее тождество, это единство убеждений тем более трудно, чем более ум различает, разлагает и предвидит. Свободу трудно соединить с непосредственным единством инстинкта. Увы! надо, стало быть, тысячи раз взбираться на те же вершины, вновь приобретать уже достигнутые точки зрения, надо *πολεμεῖν-πòλεμον*.

Сердце, так же как
и цари, под видом
постоянного мира
подписывает только
перемирия

Сердце, так же как и цари, под видом постоянного мира, подписывает только перемирия. Итак, вечную жизнь нужно вечно приобретать. Увы, да! даже мир есть борьба, или скорее борьба и деятельность — это закон жизни. Мы находим покой только в усилении, как пламя находит существование только в горении. О, Гераклит! Стало быть, внешний вид счастья таков же, как и стра-

дания; тревога и прогресс, рай и ад одинаково подвижны. Алтарь Весты и казнь Вельзевула горят тем же огнем. Да, в этом жизнь, жизнь двусторонняя, жизнь обоюдоострая. Один и тот же огонь уничтожает и освещает. Стихии богов могут превратиться в стихии проклятых.

Надо уметь
упрощать свои дела
и свою жизнь

15 августа 1851 г. Великое дело уметь быть готовым! Это драгоценное свойство, включающее в себя расчет, глазомер и решительность. Для этого надо уметь резать, потому что не всё можно развязать; надо уметь освобождать существенное от опутывающих его мелочей, так как нельзя делать всех дел вместе, — одним словом, надо уметь упрощать свои обязанности, свои дела и свою жизнь. Уметь быть готовым — значит уметь тронуться с места.

Удивительно, как мы бываем обыкновенно опутаны тысячами препятствий и обязанностей, не существующих в действительности, но, тем не менее, запутывающих нас в свою паутину и препятствующих движению наших крыльев. Беспорядок делает нас рабами. Сегодняшний беспорядок уменьшает свободу завтрашнего дня.

Ничто не сделано,
что не окончено

Загромождение мешает свободе, а загромождение происходит от откладывания. Уметь быть готовым — значит уметь кончать. Ничто не сделано, что не окончено. Дела, которые мы оставляем за собой, впоследствии опять восстанут перед нами и затруднят наш путь. Пусть каждый наш день управится с тем, что его касается, очистит дела, пусть бережет последующий день, и тогда мы всегда будем готовы. Уметь быть готовым — в сущности, значит уметь умереть.

В век
индивидуализма
не будут больше
появляться
настоящие
индивидуальности

6 сентября 1851 г. Время великих людей уходит. Наступает эпоха муравейника, жизни толпы. Очень может случиться, что если только отвлеченное равенство восторгается, то в век индивидуализма не будут больше появляться настоящие индивидуальности. Постоянное уравнивание и разделение труда сделают то, что общество будет всё, а человек — ничто.

Так же как дно долин поднимается вследствие оголения и осыпания гор, так всё среднее поднимется в ущерб всякому величию. Исключение сгладится. Плоскость всё менее и менее волнистая, без контрастов, без противоположений, однообразная — таков будет вид человеческого общества. Статистик отметит возрастающий прогресс, а моралист — постепенный упадок. Прогресс вещей, упадок душ. Полезное займет место прекрасного, ремесло — искусства, политическая экономия —

Роковая судьба
демократической
эры

религии, арифметика – поэзии. Сплин делается болезнью века равенства.

Неужели такова будет роковая судьба демократической эры? Не слишком ли дорого будет куплено всеобщее благосостояние, если оно куплено будет такую ценою? Неужели процесс творчества, который сначала стремился к постоянному выделению и увеличению без конца различий, вернется назад, с тем чтобы одно за другим уничтожить эти различия? И равенство, которое в начале существования есть еще инерция, оцепенение, смерть, станет, в конце концов, естественной формой жизни? Или, быть может, сверх равенства экономического и политического, к которому стремится социалистическая и несоциалистическая демократия, принимая его слишком часто за предел своих усилий, установится новое царство духа, церковь как убежище, республика душ, в которой, сверх права и гнусной пользы, красота, самопожертвование, святость, героизм, энтузиазм, необыкновенное и бесконечное будут иметь поклонение и прибежище.

Утилитарный
материализм,
поклонение своей
плоти и своему я...
имеют свои
последствия

Неужели утилитарный материализм, бесплодное благосостояние, поклонение своей плоти и своему я, поклонение временному и мамоне представляют предел наших усилий и всю награду, обещанную нам за труды человеческого рода? Я не думаю этого. Идеал человечества без сравнения выше. Но животное первое заявляет требование и потому, прежде чем вернуться к духовному благу, должно сначала уничтожить излишние страдания общественного происхождения.

Утверждающая себя
самое
субъективность
совершенно мне
чужда

18 ноября 1851 г. Энергическая, с верою в себя утверждающая себя самое субъективность, не боящаяся быть чем-либо особенным и определенным, не имеющая сознания своей субъективной иллюзии и не стыдящаяся его, мне совершенно чужда. Я преимущественно объективен в своей умственной жизни, и моя отличительная специальность состоит в том, что я могу стать на всевозможные точки зрения, видеть всякими глазами, – стало быть, не быть запертым ни в какую индивидуальную темницу. Отсюда способность к теориям и нерешительность в практике; отсюда критический талант и трудность самобытного творчества; отсюда тоже продолжительная неопределенность убеждений и мнений до тех пор, пока способность моя оставалась инстинктом; но теперь, когда она стала сознательною и владеет собой, она может заключать и, в свою очередь, утверждать самое себя. Так что эта способность, производившая прежде беспокойство, дает теперь успокоение. Она говорит: успокоение ума только в абсолютном, чувство только в

бесконечном и душа только в божественном. Всё конечное неправдиво, неинтересно и недостойно занимать меня. Всё особенное неисключительно, а всё, что исключительно, отталкивает меня. Не исключительно только Всё; только через общение с Существом я нахожу свою цель. Только тогда, в свете абсолютного, всякая мысль становится достойной изучения, в бесконечном всякая жизнь — достойной уважения, в божественном всякое существо — достойным любви.

Имей в душе своей место для нежданного гостя и алтарь для неведомого Бога

2 декабря 1851 г. Отдели в самом себе частицу тайны, не распахивай себя всецело плугом исследования, но удержи в сердце своем неспаханый уголок пару для семян, приносимых ветром, и поберегай тенистый уголок для пролетающих птиц небесных; имей в душе своей место для нежданного гостя и алтарь для неведомого Бога. И если птица запоеет в твоей листве, не спеши подходить к ней, чтобы приручить ее. И если ты ощутишь в глубине своего существа зарождение чего-то нового — мысли или чувства, не спеши подносить к ним света или взгляда; защити забвением рождающийся зародыш, окружи его миром, не сокращай его ночи, дай ему образоваться и вырасти и не разглашай своего счастья. Священное дело природы, всякое зарождение должно быть завешено тройным покрывалом стыдливости, молчания и тени.

Доброта есть основа такта и уважения к другим

Доброта есть основа такта, и уважение к другим — первое условие *savoir vivre* — уметь жить.

Кто молчит, того забывают, кто воздерживается, того ловят на слове (признавая его бессильным), кто не подвигается — пятится, кто останавливается, того перешли, перегнали, задавили; кто перестает расти, тот уже уменьшается; кто перестает действовать, тот отрекается от власти; состояние неподвижности есть начало конца, это опасный признак и предвестник смерти. И так жить — значит беспрестанно торжествовать, утверждать себя против разрушения, болезни, уничтожения и рассеяния нашего физического и нравственного существа. Жить, стало быть, значит беспрерывно желать или ежедневно возобновлять свою волю.

Совесть учит историю честности

Не история учит совесть честности, но совесть учит этому историю. Факты развращают, мы исправляем их, не отступая от своего идеала. Душа морализирует прошедшее, с тем чтобы не быть деморализованной им. Как средневековые делатели золота, она находит в сосуде испытания только то золото, которое она вложила в него.

Самоотверженная
энергия – это
мудрость сынов
земли

26 апреля 1852 г. In der Beschrenkung zeigt sich erst der Meister, – говорит Гёте. Мужественное самоотвержение есть точно так же девиз мастеров жизни: мужественное – потому что храброе, деятельное, решительное, упорное – самоотвержение, стало быть, лишение, отречение, сосредоточение, ограничение. Самоотверженная энергия – это мудрость сынов земли. Это единственно возможная душевная ясность в этой жизни усилий и борьбы; это мир мученика и обещание победы.

В нас самих такие
глубины, от которых
кружится голова

28 апреля 1852 г. Весеннее умиление, ты вновь вернулось и посетило меня после долгого отсутствия. Сегодня утром и поэзия, и пение птиц, и спокойные лучи, и воздух зеленеющих полей – всё подступило мне к сердцу. Теперь всё молчит. О, молчание, как ты страшно! Страшно, как спокойствие океана, в непостижимую бездну которого погружается наш взгляд; ты показываешь нам в нас самих глубины, от которых кружится голова, неутолимые потребности, сокровища страдания и сожаления. Приходите же бури! Они, по крайней мере, хоть колеблют поверхность этих волн, прикрывающих страшные тайны. Вейте страсти! Подымая волны душевные, они ими скрывают бездонную пропасть. Нам всем, детям греха, сынам времени, вечность внушает невольный ужас, а бесконечность какой-то таинственный страх. Нам кажется, что мы вступаем в царство смерти. Бедное сердце, ты жаждешь жизни, любви, мечты, и ты все-таки право, потому что жизнь священна.

Иначе
представляется
жизнь, когда
находишься с глазу
на глаз с
бесконечным

До какой степени иначе представляется жизнь и те мгновения, когда находишься с глазу на глаз с бесконечным! Как всё, что занимает, поглощает, волнует и наполняет нас [не]обыкновенно, представляется нам вдруг пустым, ничтожным и тщетным. Мы представляемся самим себе марионетками, которые, серьезно продельвая фантастические роли, принимают побрякушки за драгоценные вещи.

Мир есть только
аллегория, мысль
реальнее факта

Как тогда всё преображается и кажется иным! Берклей и Фихте тогда правы, и Эмерсон тоже: мир есть только аллегория; мысль реальнее факта; волшебные сказки, легенды так же истинны, как и естественная история, даже более, так как они более прозрачные символы; собственно говоря, единственная сущность – это душа. Что же всё остальное? Тень, предлог, образ, символ и сновидение; одно сознание только бессмертно, положительно и совершенно реально; мир есть фейер-

верк — величественная фантазмагория, цель которого есть увеселение и образование души. Сознание есть Вселенная, Солнце которого есть любовь.

Таинственная и
нежная природа!
Отчего мы не живем
ближе к тебе?

29 апреля 1852 г. Сегодня утром воздух был тих, небо слегка заволочено. Мне хотелось в саду проследить успехи растительности; я пересмотрел ирисы, сирень, клумбы и беседки. Прелестная неожиданность! На повороте одной из аллей почти скрытый в чаще *chorchorus*, со своими маленькими листиками, расцвел за ночь. Свежий и нарядный как свадебный букет, этот венчаный кустик блеснул передо мной во всей прелести начавшегося расцветания. Сколько весенней невинности и изящной целомудренной красоты было в этих белых венчиках, подобно мыслям, улыбающихся вам при пробуждении, скромно распустившихся над этой молодой листвой такой девственной зелени. Мать всех чудес, таинственная и нежная природа, отчего мы не живем ближе к тебе? Поэтически праздные юноши Тóппфера, его Карлы, его Юлии, страстные друзья и любовники твоих тайных прелестей, эти восхищенные и ослепленные наблюдатели представлялись моему воображению как укоризна и урок. Скромный садик священника, узкий горизонт чердака заключают в себе для того, кто умеет смотреть и ждать, более поучительного, чем целая библиотека, даже чем «Библиотека моего дяди»^{*}! Да, мы слишком озабочены, слишком загромождены, слишком заняты и слишком деятельны! Мы слишком много читаем. Надо уметь сбрасывать через борт весь груз своих хлопот, забот и педантизма. Сделаться молодым, простым, превратиться в ребенка, жить настоящей минутой, быть благодарным, наивным и счастливым.

Уметь быть
праздным — не
значит быть
ленивым

Да, надо уметь быть праздным, что не значит ленивым. Во внимательном и сосредоточенном бездействии складки нашей души сглаживаются, она расправляется, разворачивается и потихоньку оживает, как стоптанная трава у дороги и как поврежденный лист растения, восстанавливает свой ущерб, становится опять новой, самобытно-правдивой, оригинальной. Мечтание, как ночной дождь, заставляет вновь зеленить усталые и поблекшие от дневного жара мысли. Нежное и плодотворное, оно будит в нас тысячи заснувших зародышей. Оно шутя накапливает материал для будущего и образы для таланта. Мечтание есть праздник мысли, и кто знает, что важнее и плодотворнее для человека: напря-

* Знаменитая книга Тóппфера «Библиотека моего дяди».

женная ли работа недели, или оживляющий отдых дня субботнего? Беззаботная праздность, так умно восхваленная и воспетая Тёпфером, не только приятна, но и полезна. Это – целительная ванна, которая придает силу и гибкость всему существу – как душе, так и телу, это признак и праздник свободы, это радостный и целительный пир, пир бабочки, резвящейся и кормящейся в долинах и лугах. А душа, в сущности, – та же бабочка.

Развивать в детях наблюдательность, чувство восхищения прекрасным и добродушие

2 мая 1852 г. (воскресенье). Сегодня утром читал послание святого Иакова, толкование этого послания Селерье, некоторые мысли Паскаля, после того как провел все-таки более часа с детьми в саду. Я заставлял их всматриваться в цветы, кусты, обращал их внимание на жуков, улиток, чтобы развивать в них наблюдательность, чувство восхищения прекрасным и добродушие. Как велико значение первых бесед для раннего детства! Я это сознавал с благоговением. Невинность и детство – священные. Сеятель, кидающий семена, отец или мать, которые бросают в душу ребенка плодотворное слово, совершают священное дело и должны бы всегда совершать его религиозно, с благоговением и молитвой, ибо они трудятся для Царствия Божия.

Всякий посев есть дело таинственное: попадает ли брошенное семя на земную почву или в души человеческие

Всякий посев есть дело таинственное: попадает ли брошенное семя на земную почву или в души человеческие. Всякий человек подобен земледельцу; вся задача его, если ее хорошо понять, заключается в разработке жизни и рассеивании ее повсюду; таково призвание человечества и призвание это – свято. И слово – его главное орудие. Мы слишком часто забываем, что слово в одно и то же время – и посев, и откровение. Последствия слова, сказанного вовремя, неисчислимы. О, как глубоко значение слова! Но мы тупы, потому что мы телесны. Мы видим камни, деревья по сторонам дороги, обстановку наших жилищ, мы видим всё, что есть вещь и материя. Но мы не различаем вереницы невидимых мыслей, которые наполняют воздух и постоянно бьют своим крылом вокруг каждого из нас.

Ступени цивилизации резче всего выражаются в женщине

6 мая 1852 г. Подобно горной флоре, женщины определяют с наиболее характерной точностью градацию возвышающихся друг над другом слоев общества. Ступени цивилизации резче всего выражаются в них. Они менее резки в мужчинах. В женщинах они сменяются с правильностью явлений природы. В мужчинах они проявляют неожиданные особенности свободы. Дело в том, что мужчина своей деятельностью сам себя обра-

Феноменальная суть
женщины

зует, женщину же образует судьба; мужчина своею энергиею изменяет и переделывает по-своему обстоятельства; женщина же подчиняется им и отражает их в своей кротости. Женщина – скорее род, мужчина – индивид.

Таким образом, странное дело, женщины в одно и то же время являются полом наиболее однообразным и вместе с тем наиболее различным: наиболее однообразным с точки зрения моральной, наиболее различным с точки зрения социальной. Братство в первом случае и иерархия во втором. Все ступени культуры, все условия жизни ясно выражены в их наружности, обхождении и вкусах; но их внутреннее братство выступает в их чувствах, инстинктах и их желаниях. Женский пол одновременно представляет естественное равенство и историческое неравенство. Он поддерживает единство рода и разграничивает категории общества; он приближает и разделяет, совокупляет и разъединяет, он порождает касты или разрушает их. В сущности, назначение женщины – удерживать старое, но она удерживает всё без разбора. С одной стороны, она удерживает дело Божье, то, что есть неизменного, возвышенного, истинно человеческого в человеке: поэзию, религию, добродетель, нежность. С другой стороны, она удерживает дело случая, то, что есть преходящего, местного, искусственного в обществе, то есть обычаи, слабости, предрассудки и мелочности; она окружает одинаковой почтительной и упорной верой серьезное и пустое, дурное и хорошее. Что делать! Нельзя отделить дыма от огня. Это роковой закон, и потому он хорош. Женщина – консерватор, предание, точно так же, как мужчина – прогресс. А потому, так как не может быть семьи и человечества без этих двух полов, без этих двух сил не может быть и истории.

Наши
мировоззрения –
суть выражения
нашего характера
или оправдание
нашего положения

14 мая 1852 г. (Ланси). Вчера я философствовал на тему радости, молодости, улыбающейся весны и опьяняющих роз. Я проповедовал силу, забывая, что, если бы я был так же огорчен и испытан в жизни, как те два друга, с которыми я гулял, я бы рассуждал и говорил, как они.

Наши мировоззрения, как говорят, суть выражения нашего характера или оправдание нашего положения, то есть мы охотно принимаем за приобретенное то, что нам дано, мы думаем, что сами создали свою природу, и считаем свой жребий за завоевание. Иллюзия, порожденная нашим тщеславием, а также и потребностью свободы. Нам неприятно признать себя произведением случайных обстоятельств или раскрывшимся внутренним зародышем, а между тем мы получили всё, и часть,

Примем от Бога
и нашу природу –
примем самих себя

действительно нам принадлежащая, очень мала, ибо главным образом ее составляют отрицание, противодействие, ошибки и заблуждения. Мы получаем всё – и жизнь, и счастье, но способ, каким мы это берем, – вот что наше. Будем же брать это доверчиво, не краснея, без боязни.

Примем от Бога и нашу природу, будем относиться к ней с любовью, твердостью и заботливостью: не примем зла и болезни, которые в нас, но примем самих себя, несмотря на болезни и зло. Не будем бояться чистой радости; Бог благ, и то, что он делает, хорошо сделано. Примем с покорностью всё, даже и счастье, будем просить себе духа самопожертвования и отрешения от всего, а главное, духа радости и благодарности, истинного религиозного оптимизма, который видит в Боге отца и не требует благодарности за добрые дела свои. Надо дерзать быть счастливым и сметь высказывать это, признавая себя хранителем, а не творцом своего счастья.

(Продолжение следует)